

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Игнатъевой Евгении Андреевны

**«Взаимоотношения власти и социума в Сибири в условиях радикальной трансформации (вторая половина 1929 – 1930-й гг.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история**

Несмотря на большое внимание исследователей к событиям рубежа 1920-х – начала 1930-х гг. в исторической литературе продолжают дискуссии о теоретической модели, объясняющей цель, смысл, характер и последствия форсированных преобразований, получивших название «Великого перелома», их многогранного влияния на советское общество. Сложность исследования указанной проблемы определяется не только тем, что раннесоветский социум представлял собой сложную, динамичную и конфликтную систему взаимодействий между властью и обществом. Живучесть мифологии о «золотом веке» советской истории – времени сталинской диктатуры – объясняется не только устоявшимися догмами о «победе социализма в СССР» к 1937 г., внедренных в сознание нескольких поколений. Сталин и сейчас рядом историков и политиков позиционируется в качестве персонифицированного знака геополитического величия нашей страны в период Второй мировой войны. В этой связи очевидна необходимость дальнейшего комплексного анализа феномена сталинской «революции сверху», как опыта осуществления радикальной социально-политической трансформации институтов власти и основ жизнедеятельности социума.

Метод исследования в диссертации Е. А. Игнатъевой четко очерчен: изучаемые процессы рассматриваются в формате форсированной этатизации основных сфер жизни раннесоветского социума чрезвычайными средствами. Такой ракурс позволяет получить новое знание о характере радикальной трансформации во взаимоотношениях «власть–общество» в исследуемый период. Научно обоснованы объект и предмет исследования, хронологические рамки исследования, круг задач (с. 41–42). Наше единственное замечание, в данном случае, касается отсутствия в круге поставленных задач (с. 41) – задачи исследования структуры и направлений взаимоотношений власти и общества.

В содержательном и глубоком историографическом очерке исторических, социологических и политологических исследований обращает внимание указание на концепцию А. Шмида, позволяющую перевести анализ из плоскости констатации насилия в плоскость изучения процесса взаимной радикализации институтов власти и отдельных групп социума (с. 44).

В Первой главе диссертации «Проект радикальной этатизации советского социума в конце 1920-х – начале 1930-х гг. как исследовательская

проблема» диссертантка последовательно проанализировала причины, цель, средства, институциональные механизмы радикального огосударствления основ жизнедеятельности социума; конкретные решения центральных органов власти и реакции регионального и окружного руководства на проводимую политику. Следует согласиться с выводом о том, что реализация указанных документов должна была дать импульс масштабному процессу этатизации, обусловившему выстраивание новой общественной системы, в которой огосударствление имело бы политическую, экономическую, социальную (и социально-психологическую), культурную основы. Обоснованно отмечается (с. 96): процесс этатизации (огосударствления) был органичным элементом общей логики перестраивания всех сфер социума с конца 1920-х гг. до начала 1940-х гг.

В диссертации (с. 99–100) справедливо подчеркивается: логическим завершением процесса форсированного и осуществляемого преимущественно радикальными средствами огосударствления явилось формирование этакратического типа государства, подразумевавшего тотальный контроль государства над экономикой и обществом; превращение большинства населения в государственно зависимых работников. Обозначен в диссертации и основной механизм этатизации раннесоветского общества – социальная мобильность, как организуемая сверху система социальной инженерии в условиях отсутствия гражданского общества и правового государства.

Однако, если экономическое огосударствление действительно выражалось в утверждении исключительной роли государственной собственности (с. 100), то одновременно шел процесс роста теневой экономики. Множество ее видов и разновидностей ставят под сомнение, казалось бы, логичный тезис об абсолютной зависимости населения от власти (с. 96). Впрочем, далее (с. 98) Е. А. Игнатьева разделяет понятия «ликвидации» и «стремления к ликвидации» любых форм негосударственных отношений.

В параграфе 1.3. «Социальное измерение этатизации: эскалация напряженности и радикализация общественных отношений», автор умело рассматривает адаптацию различных социальных групп к изменяющимся условиям жизни, как с позиции высокой пассионарности (внутренней готовности индивидов и групп участвовать в протестных насильственных действиях), так и с позиции низкой пассионарности (апатии, социальной дезинтеграции, роста разобщенности); в форме высокой текучести кадров; готовности к криминальному поведению (с. 105–106). Наряду с этим, указана Игнатьевой и такая форма готовности к действиям, как гражданская активность населения, правда, с непонятной оговоркой: «исключенная в условиях партийного государства» (с. 106).

Обозначив теоретические подходы к механизмам этатизации, диссертантка, однако, обходит важный сюжет – формирование в раннесоветском обществе социальных слоев в зависимости от близости к власти. В результате

удачное раскрытие феномена социальной напряженности, как показателя уровня интеграции индивидов и групп в обществе, маркера, отражающего состояние социума в период трансформаций, в ряде случаев лишено конкретной привязки к контурам новых социальных групп *внутри* рабочего социума, крестьянства, интеллигенции, растущего слоя управленцев.

Впрочем, отчасти преодоление указанного недостатка проявилось во Второй главе диссертации «Институты и акторы региональной власти в условиях осуществления радикальной этатизации». Е. А. Игнатьева обоснованно подмечает, что агенты власти на местах не только являлись ответственными за реализацию директив, исходящих от центра, не только были исполнителями генеральной линии на обострение «классовой борьбы», но, обладая знанием специфики своих регионов, адаптировали общие указания центра к конкретным условиям (что включало учет местных традиций, экономических реалий и социальных отношений), находили рациональные способы разрешения противоречий и минимизации социального напряжения (с. 139).

Следует поддержать перспективный вывод автора диссертации (с. 138) о том, что аппаратные функционеры (работники окружных или районных управленческих органов, откомандированные на места для проведения конкретных мобилизационных кампаний на определенные сроки; направленные общественными организациями, профсоюзными, а то и просто коммунистами – рабочими с производства) выполняли функции не только проводников, исполнителей директив, но и функции *амортизаторов* радикальной этатизации, поскольку обладали знанием специфики своих регионов, что позволяло им адаптировать общие указания центра к конкретным условиям и включать учет местных традиций, экономических реалий и социальных отношений.

Раздвигая рамки концепции Шмида, Е. А. Игнатьева отмечает (с. 139): управленцы на местах должны были уметь управлять конфликтами, находить способы разрешения противоречий и минимизировать социальное напряжение. С другой стороны, они неизбежно выступали исполнителями генеральной линии на обострение «классовой борьбы» в деревне, что превращало их в заложников данной доктринальной установки

Высказанное наблюдение только выиграло бы, будучи дополнено примерами такого разрешения конфликтов, а также раскрытием социальной структуры выдвигенчества в сибирском регионе. Замечу, что материал параграфа 2.2. «Агенты власти на местах: стратегии адаптации» оказался излишне смещен в сторону освещения коллективизации в Сибирском крае. Даже с учетом преобладания сельского населения в регионе, это представляется определенным перекосом

Диссертантка демонстрирует умение вникать в язык документов чекистского делопроизводства, раскрывать смысл структуры донесений, фактического наполнения, оценки «происшествий». Справедливо звучит наблюдение Игнатьевой о том, что массив оперативных сводок и докладных записок

чекистского происхождения, воссоздающий картину масштабного и крайне ожесточенного сопротивления «врагов» большевистской власти, не отражал всей полноты реальности (с. 127). Однако ответ на вопрос: в чем заключалась отмеченная неполнота указанных источников – к сожалению, не прозвучал. Игнатьева демонстрирует знание коммуникационных каналов взаимодействия власти и общества, хотя исследования сибирских историков (в частности А. И. Савина, А. Г. Теплякова, В. И. Шишкина) роли писем во власть, предполагали большую разработку этого сюжета в диссертации.

Третья глава диссертации воссоздает широкую картину положения горожан Сибири в рассматриваемый период. Говоря о рабочем социуме, автор умело реконструирует бытовые и производственные условия жизни. В период «Великого перелома» действительно «повседневность рабочего была связана с хроническим дефицитом, голодом, неудовлетворительными жилищными условиями». Однако, в одинаковой ли степени такой вывод касался местных кадровых рабочих и новых пополнений рабочего социума? Наши исследования рабочего социума Урала говорят о неоднозначности условий жизни для названных категорий рабочих даже в столь драматический период. Что же касается вывода (с. 205): на заводах и предприятиях активисты (прежде всего комсомольцы), призванные мобилизовать на ударничество и социалистические соревнования не только своих несоюзных сверстников, но и рабочих старшего поколения, имели слабый авторитет в коллективе рабочих, а окружающая действительность никак не усиливала их легитимность – он нуждается в дополнительных доказательствах.

В Третьей главе приводится немало примеров, как повседневность рабочего социума демонстрировала противоречие между транслируемым большевиками образом класса-гегемона/авангарда общества, и реалиями жизни социальной группы. Это противоречие, резко обострилось в напряженные месяцы «Великого перелома». Однако вывод о полной зависимости рабочего социума от государства (с. 206–207) представляется несколько прямолинейным. Во-первых, инструментом косвенного воздействия рабочих на власть стала высокая текучесть кадров, заставлявшая чиновников хотя бы частично прислушиваться к требованиям «снизу». Во-вторых, немалую часть номенклатуры составляли вчерашние рабочие, сохранявшие формальные и неформальные связи с рабочим социумом; веру в социалистические идеалы. Именно эти люди и стали жертвами репрессий в 1937 г.

Зафиксировав «стимулируемый антагонизм между социальными группами, способствовавший укреплению власти большевиков, атомизации и этатизации социума», Игнатьева отмечает, что «дисциплинирование страхом, манипулирование и стимулирование конфликтов ослабляло социум, подавляло любые попытки противостояния со стороны последнего, усиливало власть большевиков» (с. 225). Вместе с тем, в диссертации справедливо фиксируются и проявления скрытого сопротивления – конформизма. В то же время

незамеченными оказались обратные процессы – в рамках совместной работы представителей различных социальных групп в профсоюзах, партийных и комсомольских органах; в различных общественных движениях.

Четвертая глава диссертации «Сельский социум Сибири в условиях социально-политического кризиса 1929–1930 гг.» наиболее фундированная в работе. Возможность опираться на богатый опыт сибирских историков-аграрников позволила внести в диссертацию аналитику динамики населения и стратегии выживания сибирских крестьян; выявить и систематизировать формы открытого и скрытого протеста в сибирской деревне. Сильной стороной главы является раскрытие стратегий адаптации крестьянских семей к коллективизации в регионе. Диапазон стратегий адаптации был действительно широк: демонстративная лояльность, вступление в колхоз, попытки сохранения элементов личного хозяйства, тайное сохранение религиозных устоев (с. 265). Детальный анализ в четвертой главе дан проявлениям конформизма сельских жителей – как основной стратегии выживания.

Вывод Е. А. Игнатевой: повседневность сибирской деревни представляла собой сложный неоднородный спектр адаптационных действий крестьянства – от форм пассивного сопротивления и попыток сохранить автономию и идентичность до использования социально-политической конъюнктуры (с. 271) явно был бы усилен раскрытием социального облика первых колхозников. 1930 г. фактически стал первым годом становления нового социального слоя – колхозного крестьянства. И по ростку будущего, многомиллионного слоя населения СССР, видимо стоило проанализировать важное проявление социального измерения этатизации.

В Заключении диссертации содержится обоснованный вывод о том, что радикальная этатизация оказала деструктивное влияние на социальную структуру: конфликтность, высокий показатель социальной напряженности, возрастающая динамика конфликтов с применением физического насилия; жесткое и жестокое подавление протестного потенциала, перевод последнего в пассивные формы, оказывающие не менее травмирующее повседневное влияние как на индивида, так и на социум в целом (с. 294–295). Наряду с этим, стратегии поведения низовых агентов власти варьировались от активного и часто инициативного проведения политики с использованием широких рамок дозволенного насилия до попыток снизить радикализм директив, прежде всего из соображений самосохранения (с. 292).

Приведенный вывод мог быть более обстоятельным, будучи дополнен аналитикой изменения самой социальной структуры регионального социума. Впрочем, это скорее рекомендация на будущее, учитывая качественное ухудшение социальной статистики после начала 1930 г. Между тем, хотя сроки «Великого перелома» были невелики, но они заложили (либо продолжили) существенные перемены в раннесоветском обществе.

Высказанные замечания не меняют главного: диссертационная работа Е. А. Игнатьевой «Взаимоотношения власти и социума в Сибири в условиях радикальной трансформации (вторая половина 1929 – 1930-й гг.)» вносит существенный вклад в выявление характера и специфики одного из самых драматических периодов отечественной истории и представляет собой самостоятельное научное исследование, в полной мере соответствующее научной специальности 5.6.1. Отечественная история и требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней». Автор работы, Игнатьева Евгения Андреевна заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по научной специальности 5.6.1 - Отечественная история.

Официальный оппонент:

Фельдман Михаил Аркадьевич,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры государственного управления
и политических технологий

Уральского института управления –
филиала федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Специальность: 5.6.1. Отечественная история

Дата: 18 августа 2026 г.

Уральский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Адрес: 620144, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66.

Тел.: +7 (343) 257-20-05

e-mail: ui@ranepa.ru

Подпись Фельдмана Михаила Аркадьевича
удостоверяю

Ведущий специалист общего отдела

Дед. / Е.О. Федорова /

18.08.2026

